

Елена Пономарева

ЗАРИНЫ: СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

Перелистывая многочисленные страницы биографического словаря «Русские писатели. 1800 – 1917», я в первую очередь обращала внимание на лица. Такие разные лица... Такие разные судьбы... На одной из страниц я увидела изображение человека в мундире. На голове его красовалась папаха. Такую личность невозможно было не заметить. Это был Федор Ефимович Зарин. Оказалось, что его отец, мать и брат также были литераторами. Меня заинтересовало это редкостное явление – литературная семья.

Зариных можно назвать петербуржцами по определению, ведь именно в Петербурге им удалось реализовать себя в качестве литераторов. Конечно, было время в жизни каждого из них, за исключением лишь Федора Ефимовича, когда им приходилось творить вне столицы. Например, Е. И. Зарина с 1904 по 1908 г. жила в Калужской губернии, но написанные там рассказы регулярно отсылала для публикации в «Историческом вестнике» С. Н. Шубинского. Таким образом, связь со столицей не прерывалась, более того, можно сказать, что именно такие люди как Зарины, стремившиеся в Петербург, приехавшие туда из провинции, во многом формировали облик города, настроения в нем. Ведь и Некрасов, и Чернышевский также были петербуржцами не по рождению, а по духу.

Специальных работ, посвященных династии Зариных, еще не было. Единственную информацию о них до сих пор можно было почерпнуть только из коротких статей вышеупомянутого словаря «Русские писатели 1800 – 1917»¹. Поэтому целью моей работы стало на основе выявленных источников создать обобщенный портрет семьи Зариных, показав ее место в русской литературе и культуре.

Написанию исследования предшествовала долгая работа в Российской Национальной библиотеке, где мною были просмотрены журналы «Современник» и «Библиотека для чтения» за 1862 г., «Исторический вестник» за 1914 г., а также опубликованная в 1911 г. автобиография А. Е. Зарина, произведения самих Зариных. Важным источником для исследования стали письма Е. И. и А. Е. Зариных, которые хранятся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки.

* * *

Конец 1923 г. или, может быть, даже начало 1924 г. Горки. Тяжело больной Ленин смотрит художественный фильм «Чудотворец».

Владимир Ильич высоко ценил «самое важное из искусств» – кино. В последние месяцы его жизни в доме был заведен кинематограф. Сеансы устраивались почти каждый день. Особенное внимание уделялось документальным филь-

¹ Речь идет о следующих статьях во втором томе словаря «Русские писатели 1800 – 1917». (М., 1992): Рейтблат А. И. Зарин Андрей Ефимович; Майорова О. Е. Зарин Ефим Федорович; Рейтблат А. И. Зарин Федор Ефимович; Баскаков В. Н., Рейтблат А. И. Зарина Екатерина Ивановна. При дальнейших ссылках на эти работы будут указываться только том и страницы издания.

мам, а из художественных полнометражных картин обычно просматривались первые части. Но для «Чудотворца» (реж. А. П. Пантелеев) было сделано исключение².

В основе этого фильма лежит анекдот времен Николая I. Крепостной Мизгирь был отдан в солдаты за свое озорство (то он подложит приживалке в кровать свинью, то накидает в окно навоза). Уже в армии Мизгиря навещает земляк и рассказывает ему, что «у старика коровенка пала», «избенка сгорела», «Дуню (невесту Мизгиря) в скотницы согнали». Стоя на часах в канун полкового праздника, ночью, Мизгирь разбил в здании стекло и вынул из венчика иконы Казанской Божьей матери бриллиант. На все обвинения он отвечал, что сама богородица явилась ему и дала камень. Вскоре слух о чудотворной иконе разнесся в округе, перед ней стали служить молебны, посыпались денежные пожертвования. О случившемся было доложено императору Николаю и митрополиту. Встал вопрос: «Признать за чудо – вора не покарать, не признать – церкви конфуз, вере оскудение». Пришлось признать. У Мизгиря камень отняли, но дали отпуск на шесть месяцев для женитьбы на Дуне и сто рублей на приданое. Во избежание повторения этого случая был издан указ: «Так как милосердия и щедрости богородицы нет предела, то отныне всякий, кто воспользуется от щедрот ее, подлежит, как святотатец, наказанию плетьюми и ссылке на каторжные работы без срока»³.

Как пишет Б. Головацкий, «Мизгирь в его (П. Кириллова) исполнении был близок к образам русских народных сказок об умном и лукавом Иванушке-дурачке»⁴. Вот такая картина понравилась Ленину.

Автором ленты был Андрей Ефимович Зарин, сын литераторов Ефима Федоровича и Екатерины Ивановны Зариных. Родился в Немецкой колонии под Петербургом в мае 1862 г.⁵ Умер в 1929 г. в Ленинграде⁶.

Примечательно, что первая журнальная публикация Екатерины Ивановны Зариной, рассказ «Питомцы», повествует о детях-сиротах из приюта, взятых на попечение немецкими колонистами с тем, чтобы заставлять их безвозмездно работать, да еще получать деньги на их содержание. Рассказ заканчивается смертью пятнадцатилетней девочки, не выдержавшей таких испытаний⁷.

В позднейших воспоминаниях Екатерина Ивановна пишет, что думая, куда «пристроить» произведение, она остановилась на журнале «Современник» по следующей причине: «Мне почему-то казалось, что Некрасов мне скажет правду, если я его спрошу»⁸. Рассказ «вызвал сенсацию в литературных и общественных кругах и некоторый переполох в административных сферах»⁹.

Муж Екатерины Ивановны не обрадовался ее успеху: «Удивления, похвал было бесконечно, но я по лицу моего мужа видела, что это ему не нравится»¹⁰. Почему? Видимо, потому что несколько ранее он на страницах «Библиотеки для чтения» А. Ф. Писемского полемизировал с «Современником» в связи с возникшим

² См.: Ульянова М. И. Из статьи «Задачи кино» // Самое важное из всех искусств. Ленин о кино. М., 1973. С. 176, 231.

³ Головацкий Б. У истоков // Искусство кино. 1966. № 11. С. 11 – 13.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ См.: Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова : Аннотир. указ. СПб., 2001. С. 424.

⁶ Русские писатели. 1800 – 1917. Т. 2. С. 323.

⁷ Зарина Е. И. Питомцы // Современник. 1863. № 12. С. 273.

⁸ Зарина Е. И. Воспоминания о Некрасове // Лит. наследство. М., 1949. Т. 49 – 50. С. 573.

⁹ Ф. Н. Ек. Ив. Зарина-Новикова // Ист. вестник. 1914. № 8. С. 228.

¹⁰ Зарина Е. И. Воспоминания о Некрасове. С. 575.

недавно вопросом об увековечении памяти Добролюбова, который скончался в ноябре 1861 г.

В журнале Некрасова (январская книжка за 1862 г.) была напечатана статья Чернышевского «Материалы для биографии Добролюбова». «Библиотека для чтения» откликнулась на нее статьей 3-на «Небывалые люди»¹¹, по аналогии с названием статьи Добролюбова «Забитые люди». Отклик был вызван намерением друзей покойного критика возвести ему монумент на деньги, собранные по подписке. Сожалея о рано угасшей молодой жизни, Е. Ф. Зарин, тем не менее, возражал против этого сбора.

По его мнению, отчасти можно понять предложение увековечить память покойного, так как «заблуждение насчет достоинств близких нам людей – самое естественное и частью даже похвальное заблуждение» (с. 31). Однако, одно обстоятельство, замечает Зарин, не поддается благородному толкованию: «... друзья покойного -бова ни при его жизни, ни после его смерти, никогда не могли думать о -бове, чтобы он был первым человеком между ними, или даже вторым, или даже третьим. <...> Или, если они думают, что хотя -бов был и не из первых в их кружке, а между тем все-таки достоин монумента и не уступает своими заслугами Белинскому, то в каких же размерах им представляются их собственные заслуги и фигуры?» (с. 32).

Возведение по инициативе руководителей «Современника» памятника, далее пишет Зарин, «меньшему из своих братьев, второстепенному члену» (с. 30), может создать впечатление, будто они пребывают в бедственном положении, хотя на самом деле оно не таково, чтобы «ломанье их перед целою страной могло казаться терпимым, чтобы своею заслугою развязного слова, обращенного к стране, они могли упиваться перед нею до такого лиризма: ты, дескать, разумей и приставляй деньги на монументы» (с. 32). Люди будут присылать деньги на этот монумент, поскольку «подписка – не налог, к ней не приневоливают, но ведь и гвозди за каретой прибывают не для того, чтобы приневоливать мальчишек наткаться на них» (с. 33). По доброте душевной людям станет жаль так несвоевременно ушедшего из жизни молодого человека, и они понесут деньги, а ведь «добрые инстинкты большинства публики, не развившей в себе самостоятельного отношения к вещам и готовой многому поверить не должны быть злоупотребляемы» (с. 30).

По мнению Зарина, «поселить в ребенке убеждение, что покойный -бов был человеком необыкновенным, значит не просто поселить в ребенке ложное убеждение, а еще извратить его понятия о величии людей, умалить его нравственный идеал, ограничить задачу его жизни, укротить его стремления, поработить его нравственную природу» (с. 33).

В ответной статье «В изъявление признательности. Письмо к г. 3-ну»¹² Чернышевский оспаривает лестное утверждение о том, что он был учителем Добролюбова. И далее: «Вы имеете на деятельность Добролюбова взгляд, различный от нашего; это еще не заставило бы меня входить с вами в прения: ваше мнение не так важно, чтобы кому-нибудь стоило обращать на него внимание» (с. 389). Вслед за этой высокомерной фразой идут еще несколько ей подобных, в том числе: «... Я проникаюсь состраданием к вашей умственной слабости» (с. 394). «Ругаясь

¹¹ Зарин Е. Ф. Небывалые люди. «Униженные и оскорбленные». Роман Ф. М. Достоевского // Библиотека для чтения. 1862. № 1, 2. Далее цитируемые страницы этой статьи указаны в тексте.

¹² Чернышевский Н. Г. В изъявление признательности. Письмо к г. 3-ну // Современник. 1862. № 2.

над мертвым, льстить живому! Да впрочем, понимали ли вы, что именно это вы и делаете?» (с. 394) – выговаривает Чернышевский своему оппоненту. В названии ответной статьи Зарина «Лесть живому и поругание над мертвым» обыгрываются эти слова. Цитируется высказывание неизвестного автора из окружения М. Н. Каткова: «Увы! и после смерти служит он [Добролюбов. – Е. П.] предметом эксплуатации для своих друзей. Мертвого человека они поставили на ходули, одели в маскарадный костюм вождя русской литературы, заставили его умереть от особого вида чахотки, неизвестного в медицине, от гражданской скорби, и приглашают Россию пилигримствовать на его могилу»¹³.

Статья Чернышевского начиналась словами: «Прочитав статью вашу в январской книжке “Библиотеки для чтения”, хотел я, милостивый государь, просить у вас личного свидания...»¹⁴. Но потом он решил, что раз критик «отличился публично», то публично надо показать ему, «как он отличился». На это Зарин ответил: «Вы никогда не помышляли просить у меня личного свидания; этого не могло быть потому, что между нами не могло быть никакого объяснения, по крайней мере, я (а вы сами допускаете, что у меня есть фантазия) не могу предположить себе никакого другого объяснения, как в следующем роде:

Вы (ко мне): Вы мне льстите. Как вам не стыдно.

Я (к вам с пожатием плеч): Вы больны. Отчего вы не полечитесь?

Вы: Вы ругаетесь над мертвецом, над Добролюбовым.

Я: Если б это было так, разве я стал бы упрекать вас в том же самом гораздо прежде вас?

Далее вам говорить нечего, а мне есть что: вы сказали бесполезную ложь; вы вовсе не думали просить у меня личного свидания. <...> В личном объяснении вы не могли бы со мною выдержать: выразить мне в глаза такую complication чувств, как проникновение состраданием к моему умственному бессилию, соединенным с отвращением и проч., вы бы не посмели, а без этого у вас ничего бы не вышло, кроме вышесказанного...»¹⁵

Так завершился спор Зарина с самим Чернышевским.

В. Е. Евгеньев-Максимов писал: «Кроме испуленной брани в этом (Зарина) ответе ничего, в сущности, не содержится»¹⁶. Так кто же бранится: Чернышевский или Зарин? Действительно, в статье З-на иногда появляется резкий тон, но все-таки это не брань, а серьезные возражения, в отличие от выпадов Чернышевского.

Проработав еще два года в «Библиотеке для чтения», Ефим Федорович перешел в «Отечественные записки», где он энергично вмешался в полемику между «Современником» и «Русским словом» и откуда вынужден был уйти в 1866 г., когда этот журнал перешел к Некрасову. Некоторое время он сотрудничал в «Литературной библиотеке» Ю. М. Богушевича, изредка выступая там со стихами (с них он и начинал свою литературную деятельность еще в Пензе, но об этом позже). Его статьи появлялись в газете «Русский мир» при редакции М. Г. Черняева, в «Голосе» (когда этот орган держался консервативного направления), в «Заре»¹⁷. После этого Зарин перестал печататься, вернувшись к своим долитературным заня-

¹³ Зарин Е. Ф. Лесть живому и поругание над мертвым // Библиотека для чтения. 1862. № 3. С. 148.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. В изъявление признательности. С. 389.

¹⁵ Зарин Е. Ф. Лесть живому и поругание над мертвым. С. 147.

¹⁶ Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936. С. 605.

¹⁷ См.: Некролог // Всемирная иллюстрация. 1892. № 5. С. 217.

тиям: выступал в качестве поверенного по судебным делам, а через два года получил место сверхштатного чиновника особых поручений при Петербургской казенной палате. Прослужив там год, был уволен.

В 1870 г. в семье Зариных родился сын Федор, впоследствии также ставший писателем¹⁸. Но и об этом позже. Вскоре семья переехала в Вильну, где Е. Ф. Зарин занимался частной юридической практикой¹⁹.

В «Виленском вестнике» впервые появились в печати произведения выше уже упомянутого Андрея Зарина. «Это была обличительная статья, – пишет он в своей автобиографии, – по поводу порнографических фотографий, выставленных в витринах одного магазина на ярмарке»²⁰. Тогда же он послал в Петербург два своих стихотворения, которые были напечатаны в «Петербургской газете» за подписью З. А. Рин. Таким был дебют будущего плодовитого беллетриста, печатавшегося в разные годы более чем в шестидесяти журналах и газетах; около восьмидесяти книг его сочинения вышли отдельно. Об их содержании можно судить по заглавиям. Исторические романы, повести и рассказы: «На изломе. Картины из времени царствования царя Алексея Михайловича», «Неожиданное счастье (из времен Павла Петровича)», «Неузнанный царь. Урок на всю жизнь (из жизни императора Александра I)». Романы, повести и рассказы из современной жизни: «Друзья. Повесть из быта пожарных», «Серые герои», «Как я сделался акробатом». Стихотворения: «Мария Дольская», «Метеор»²¹.

Однажды Лесков коротко заметил о молодом писателе Зарине: «Он, видать, начал там, где отец его кончил. Доспеет!»²²

В этой его энергии чувствуется характер отца, такого же неугомонного и сильного духом человека, в чем можно было убедиться не только на примере полемики с Чернышевским. Еще в Пензе, где он родился в 1829 г., Зарин-старший приобрел известность стихотворными памфлетами на всемогущего губернатора А. А. Панчулидзева²³. Таким, например, было стихотворение 1856 г. «Александрю Алексеевичу Панчулидзеву в 25-ю годовщину управления его Пензенской губернией»: «Я вижу бедняка иного: // Имел процесс он с богачом; // Ты притеснить его дал слово, // И ты сдержал его потом. // Ты без огня, без дров, без пищи, // Морил его, как сто смертей... // Зачах и умер бедный нищий; // Там, там он ждет тебя, злодей!»²⁴ Об отце губернатора: «Как ты, он был избранник трона, // И был таким отмечен злом, // Что на Руси, где нет закона, // И там он умер под судом»²⁵. По некоторым сведениям, назначенная вскоре сенаторская ревизия Пензенской губернии была связана с разоблачительной деятельностью Е. Ф. Зарина²⁶.

Прослужив с 1847 г. сначала в должности канцелярского чиновника Пензенской казенной палаты, потом помощником пензенского винного пристава, в 1859 г.

¹⁸ Русские писатели 1800 – 1917. Т. 2. С. 325.

¹⁹ Там же.

²⁰ Фидлер Ф. Ф. Первые литературные шаги : Автобиографии современных русских писателей. М., 1911. С. 217.

²¹ Указатель заглавий произведений художественной литературы 1801 – 1975. М., 1970 – 1989. тт. 1 – 7. (Пропущенные исторические романы А. Е. Зарина «Власть земли» и «Двоевластие» переизданы в 1994 г. издательством «Армада»).

²² Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. М., 1984. С. 313.

²³ Русские писатели 1800 – 1917. Т. 2. С. 324.

²⁴ РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. № 500. Л. 100.

²⁵ Там же. Л. 98.

²⁶ Ф. Н. Ек. Ив. Зарина-Новикова. С. 228.

Ефим Федорович с женой перебрался в Петербург. В столице он целиком отдался литературе, начав с того, что в 1860 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» вел – анонимно – «Литературную летопись»²⁷. Его жена также стала писательницей.

Екатерина Ивановна Зарина, урожденная Новикова, была дочерью плац-майора крепости Анапа и некоей представительницы старинного грузинского рода. Окончив с отличием Дворянский пансион в Пензе, шестнадцатилетняя Е. И Новикова вышла замуж за девятнадцатилетнего пензенского помещика В. П. Зарина, вскоре убитого под Севастополем во время Крымской войны, на которую он пошел ополченцем в качестве адъютанта своего дяди, полкового командира Попова. Через несколько лет она вышла замуж за дальнего родственника своего первого мужа²⁸.

Вернемся, однако, к старшему сыну. В 22 года Андрей был исключен из 6-го класса реального училища в связи с арестом и привлечением к дознанию по обвинению в связи с народовольцами; девять месяцев он содержался в тюрьме, потом был взят под негласный надзор полиции. В 1884 г., освобожденный из-под надзора, переехал с родителями из Вильно в столицу, где составлял брошюры для фирмы «Народная польза» и написал для журнала «Детское чтение» статью о способах исчисления времени. В том же году был сослан в Саратов, вернулся через два года, после чего решил учиться и одновременно служить. В течение года испробовал пять разных видов служебных занятий и нигде не преуспел. Тогда же он напечатал в приложении к «Гражданину» свой первый рассказ «Шура» – о смерти ребенка от воспаления головного мозга, а также два стихотворения в «Иллюстрированном мире».

1887 г. стал важнейшим в литературной деятельности Андрея Ефимовича Зарина – он стал профессиональным писателем: познакомился с редактором «Живописного обозрения» А. К. Шеллером-Михайловым и поместил в этом журнале свою первую повесть «Сорные травы», за которую получил, между прочим, гонорар в 300 рублей. Два года спустя вышел сборник рассказов «Тотализатор»²⁹.

Зарин-отец скончался от сердечного приступа в июле 1892 г.: «Целый день был накануне смерти весел, и только в день смерти пожаловался на тяжесть в груди, от доктора отказался и в полдевятого вечера вскрикнул и умер от разрыва сердца»³⁰. Екатерине Ивановне пришлось тяжело. Смерть мужа оставила ее без обеспечения с больной дочерью на руках. Единственным средством существования осталась литература. Отдельными книгами вышли восемь ее произведений. Это сочинения о жизни на Кавказе – «Кавказские рассказы» (1897), «В плену у черкесов» (1909), «В плену у горцев» (1915); романы из эпохи крепостничества – «Разбитая жизнь (Николай Bronской)» (1894), «Князь Борис Тишин» (1904) и др.

Андрей Ефимович продолжал выпускать книгу за книгой. В ноябре 1905 г., в разгар революции, стал редактировать у издателя Сойкина газеты «Обновленная Россия» и «Современная жизнь» – до их закрытия в день роспуска первой Государственной Думы. Снова был привлечен к суду, заключен в тюрьму, выпущен из Крестов полтора года спустя, лишен выборных прав и права заниматься редакторской и издательской деятельностью³¹. Екатерина Ивановна всячески хлопотала об улуч-

²⁷ Русские писатели 1800 – 1917. Т. 2. С. 324.

²⁸ См.: Ф. Н. Ек. Ив. Зарина-Новикова // Ист. вестник. 1914. № 8.

²⁹ См.: Фидлер Ф. Ф. Указ. соч. С. 217 – 220.

³⁰ РНБ. Ф. 760. № 199. Л. 1.

³¹ См.: Фидлер Ф. Ф. Указ. соч. С. 221.

шении участи сына и добилась обещаний «перевести <...> сына в лучшую камеру и доставить ему возможность передавать для печати его рукописи»³².

В тюрьме Андрей Ефимович познакомился с Борисом Алексеевичем Верхоустиным, отбывавшим срок за причастность к организации «Черный террор», и во многом способствовал решению анархиста стать писателем³³. В 1912 г. подал прошение о восстановлении в правах, которое, однако, не было удовлетворено. К 1915 г. он стал маститым писателем, в том числе автором множества книг для юношества из серии «Замечательные люди всего мира»³⁴. Среди его сочинений есть и переведенные на европейские языки М. И. Кудряшевым³⁵.

А. Е. Зарин многое повидал за свою долгую жизнь, многих людей повстречал. Из писателей он тепло отзывался о Шеллере, В. В. Чуйко, Лескове (хотя тот еще к середине 70-х гг. прекратил дружбу с его отцом), А. Н. Плещееве, Я. П. Полонском, К. К. Случевском-младшем, Д. Л. Мордовцеве, Вс. С. Соловьеве, В. П. Авенариусе и И. И. Ясинском. Многое пришлось претерпеть от цензуры, в частности, запретившей статью в газете «Камско-Волжская речь» «История телесных наказаний в России», над которой работал почти полгода³⁶.

Какая бы власть ни была в стране, Андрей Ефимович ни разу не отступился от своих принципов гуманизма. Он высоко ценил свободу и имел свою собственную точку зрения на все происходящее. Так, в 1908 г., недавно выйдя из Крестов, он писал: «Правительство в настоящее время усиленно занимается фабрикацией борцов за свободы и скоро пожнет, что сеет»³⁷.

После Октябрьской революции Андрей Ефимович продолжал печататься. Отдельными изданиями вышли его книги «Герои прошлого», «Красный город», «Скрипач»; он сотрудничал в газетах «Деревенская коммуна», «Красная газета», в журналах «Смена», «Красный пролетарий», «Вокруг света», а также проявил себя в области кинематографа, написав сценарии к фильмам: «Скорбь бесконечная», «Отец Серафим» и «Чудотворец»³⁸.

Иначе сложились жизнь и творчество Федора Зарина. Вскоре по окончании 10-й петербургской гимназии поступил на военную службу вольноопределяющимся в Александрo-Невский пехотный батальон, откуда через год был уволен в запас в чине прапорщика. Во время Русско-японской войны служил на Дальнем Востоке в резервных частях, а в Первую мировую войну пошел на фронт ополченцем. Уже при советской власти в 1919 – 1920-х гг. был адъютантом в отдельном стрелковом Башкирском батальоне³⁹.

Начал печататься в журнале «Нива» под псевдонимом Ф. Талин в 1893 г. (№ 28). На литературном счету Зарина-младшего множество исторических романов, в том числе «Скопин-Шуйский» (1910; перепечатан в 1995), «Под гнетом судьбы» (1912), «Наследница Византии» (1914); пьес, в том числе «Рагузада» (1904), «В век Екатерины» (1914; совместно с В. П. Бурениным); книга «Стихотво-

³² РНБ. Ф. 760. № 199. Л. 3.

³³ Чанцев А. В. Верхоустинский Б. А. // Русские писатели. 1800 – 1917. М., 1989. Т. 1. С. 433.

³⁴ Русские писатели 1800 – 1917. Т. 2. С. 324.

³⁵ Ратгауз М. Г. Кудряшев Михаил Иванович // Русские писатели. 1800 – 1917. М., 1994. Т. 3. С. 201.

³⁶ Фидлер Ф. Ф. Указ. соч. С. 223.

³⁷ РНБ. Ф. 459. Альбом 4. № 16.

³⁸ Русские писатели 1800 – 1917. Т. 2. С. 324.

³⁹ Там же. С. 326.

рений» (1899)⁴⁰. После Октябрьской революции уже не печатался, хотя в 1922 – 1923 гг. его пьесы «На рассвете», «Убийцы», «На жизненной сцене» шли в клубах и Театре миниатюр, а историческая трагедия «Трибун» была отмечена на Всероссийском конкурсе в Москве. Исторический роман «Канун великого дня», заверченный в середине 1920-х гг., остался неопубликованным. Остается загадкой, каким образом появился в Вене в 1929 г. принадлежащий Зарину перевод (с его же вступительной статьей) книги А. Амбарцумяна «Стихотворения»⁴¹.

Самым значительным произведением Федора Зарина является, несомненно, роман из времени царствования Анны Иоанновны «Летающий пономарь», вышедший в 1911 г. Главный герой исторического романа – бедный поповский сын Сеня, построивший летательный аппарат с мечтой лишь о славе. Когда же стряслась беда с человеком, во многом изобретателю помогавшим, Сеня использовал аппарат для спасения благодетеля. Показав свое детище Бирону, он обрек себя на гибель – слишком опасным тому показалось это изобретение. Прототипом героя можно считать иеромонаха Федора Мелеса, построившего в 1762 г. крылья для полета⁴².

Книга была переиздана через два года как повесть, под измененным названием «Тайна поповского сына» – без упоминания о пономаре. К повести добавилось предисловие автора под прозрачным псевдонимом Ф. Е. Зарин-Несвицкий. По сюжету романа Бирон, уверенный в том, что получил полностью чертежи для создания подобных машин, убивает Сеню, подкупив извозчика, чтобы секрет изобретенного аппарата не достался его врагам, в том числе и Волынскому.

В 1933 г. Федор был арестован ОГПУ по обвинению в контрреволюционной деятельности и антисоветской пропаганде. Через год дело было прекращено за недостатком улик. Год смерти писателя не установлен.

Дольше всех прожила Екатерина Ивановна. Дважды стала вдовой, пережила аресты и смерть сыновей. Загадкой для меня остается ее проживание в Калужской губернии с 1904 по 1907 г., откуда она регулярно высылала материалы для печати в «Историческом вестнике». Последние годы жизни Екатерина Ивановна провела в Детском (Царском) селе, где и скончалась в 1940 г. Частично опубликованы ее мемуары. Мне с ними еще предстоит ознакомиться.

Есть ли сейчас потомки Зариных, мне не известно. Андрей Ефимович был женат на киевлянке Александре Ивановне Семеновой, был отцом троих детей⁴³. Дочь Зоя появилась на свет предположительно в 1896 г., так как этим годом датировано приглашение на ее крестины, адресованное Петру Васильевичу и Ольге Аркадьевне Быковым⁴⁴. Даты рождения сыновей пока что не установлены.

Благодаря этой работе мне открылась удивительная судьба целой литературной династии, где каждый был по-своему интересен. Я поняла, как отношения между членами семьи могут влиять на их творчество и жизнь. Но главное – мне удалось проникнуться духом времени, в которое жили Зарины.

⁴⁰ См.: Указатель заглавий произведений художественной литературы 1801 – 1975. М., 1970 – 1989. Тт. 1 – 7.

⁴¹ Русские писатели 1800 – 1917. Т. 2. С. 324.

⁴² Акт и резолюция Тобольской духовной консистории о поимке бежавшего из митрополичьего дома бывшего иеромонаха Федора Мелеса, строившего крылья для полета // Воздухоплавание и авиация в России до 1907 года : Сб. документов и материалов. М., 1956. С. 18.

⁴³ РНБ. Ф. 103. № 70.

⁴⁴ РНБ. Ф. 118. № 411.